

Судьба Калмыкии и калмыков в монографии К. Н. Максимова «Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки» (2-ое изд., доп. / К. Н. Максимов; Калмыцкий ин-т гуманитарных исследований РАН. М.: Наука, 2010. 406 с.).

Кто-то из великих очень точно заметил, что «первой жертвой войны становится правда». Эти слова пришли мне на память после прочтения монографии доктора исторических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заведующего отделом истории Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук — Константина Николаевича Максимова «Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки».

Читая глубокий научный труд К. Н. Максимова, я ловил себя на мысли о том, как много еще «белых» пятен в истории Великой Отечественной войны и в целом народов Советского Союза, участвовавших в героических и трагических событиях Второй мировой войны.

К. Н. Максимов в монографии убедительно раскрывает, какими античеловеческими доктринами руководствовался А. Гитлер, готовясь к войне, рассказывает о характере политических установок лидера фашистской Германии по уничтожению населения Советского Союза. На основе новых документов, опубликованных в последнее время, автор прослеживает особый характер войны нацистской Германии против Советского Союза. А. Гитлер определил концепцию восточной кампании: «разбить армию, уничтожить государство». В директивах он указывал, что «в этой войне обращение с врагом в соответствии с нормами человечности и международного права недопустимо» [Цит. по: Максимов 2010: 4–5].

Автором анализируется фашистская идеология, которая рассматривала советских людей «как славяно-монгольскую смесь народов», попавших под категорию «недочеловек» и подлежащих уничтожению. В исследовании особенно подчеркивается, что «государственная национальная политика нацистов не оставалась постоянной». Она менялась в зависимости от военной обстановки и целесообразности политической конъюнктуры: «фашистская идеология и политика подвергались коррекции, но не затрагивали сущности и содержания, а

изменялись лишь методы ее реализации по отношению к субъекту», — подчеркивается в работе [Максимов 2010: 6].

В монографии К. Н. Максимова убедительно, на большом фактическом материале рассматривается судьба Калмыкии и ее народов в предвоенные годы, в годы становления советского строя. В исторической ретроспективе анализируются все тяготы и лишения от последствий Первой мировой и Гражданской войн, преодоление разрухи и голода, особенности НЭПа, коллективизации, индустриализации и преобразования в области духовной культуры, массовые политические репрессии, которые пришлось преодолеть народам, проживавшим на территории Калмыкии в предвоенные годы.

В 1920–1930-е гг. в результате самоотверженного труда жителей республики существенно изменился облик Калмыкии, как и всей страны, как пишет автор. Профессор Максимов, используя огромный статистический материал, скрупулезно исследовал созидательную роль народа по развитию экономики и культуры Калмыкии. В Республике к 1940 г. «существенное развитие получила промышленность. Ее продукция к 1940 г. возросла по сравнению с 1922 г. в 18 раз, функционировало 94 крупных предприятий. По сравнению с 1938 г. повысилась их производственная мощность (в среднем одного предприятия с 317 848 руб. до 336 840 руб.) и увеличился выпуск валовой продукции. Если в 1938 г. 79 предприятий крупной промышленности выпустили продукции на 25 млн 110 тыс. руб., то в 1940 г. 94 предприятия — на 31 млн 663 тыс. руб., т. е. рост на одно предприятие составил до 6 %» [Максимов 2010: 25].

Ведущей отраслью Калмыкии, как отмечается в исследовании, являлась рыбодобывающая и рыбоперерабатывающая промышленность союзного подчинения, в систему которой входили 6 рыбных и 2 консервных завода, 23 рыболовецких колхоза, судоремонтная база. В пищевой промышленности, кроме рыбной, в республике значительную

роль занимали предприятия хлебопечения, мясного, маслодельного, мукомольного производства и др.

Однако основной отраслью Калмыцкой АССР оставалось сельскохозяйственное производство. Только за три года (1933–1936) значительно расширились посевные площади колхозов и совхозов (с 73 749 до 167 697 га, под зерновые — на 82 %), укрепилась их материально-техническая база. Тракторный парк увеличился до 662 единиц, комбайнов — до 119 (в среднем на колхоз или совхоз приходилось четыре трактора и один комбайн).

Несмотря на укрепление материальной базы, в связи с низкой агротехнической культурой и энерговооруженностью, урожайность зерновых была очень низкой, но, тем не менее, республика выполняла планы поставки зерна государству. Если в 1933 г. Калмыкия сдала государству хлеба 9,7 тыс. тонн, то в последующие четыре года — 55 948 тонн, т. е. 13–15 тыс. тонн хлеба ежегодно.

В эти годы начинает развиваться орошаемое земледелие. Общая площадь поливных земель в 1937 г. достигла до 5 тыс. га, под хлопок было отведено 1 617 га (в 7,2 раза больше, чем в 1930 г.). В 1938 г. валовой сбор хлопка составил 18,6 тыс. центнеров, в 1939 г. — 23,6 тыс. центнеров [Максимов 2010: 32].

В своей работе автор подчеркивает, что экономика Калмыкии, специализируясь на животноводстве, все более приобретала односторонний характер и превращалась в сырьевой придаток промышленных центров. Прирост поголовья скота во всех категориях хозяйств (колхозах, совхозах, госкоопсекторе, дворах колхозников, семьях рабочих и служащих) к 1940 г. составил 150 % по сравнению с 1937 г.

В предвоенные годы руководство Калмыцкой АССР уделяло большое внимание культурному строительству, развитию агитационно-пропагандистской работы. В Калмыкии к 1940 г. функционировало 140 библиотек, в которых насчитывалось 107 705 экз. книг и журналов, 198 клубных учреждений, в том числе 150 — в сельской местности, 1 музей, 3 профессиональных театра, а также 28 киноустановок (из них 25 в сельской местности). Анализируя кадровый состав учреждений культуры, автор приходит к выводу о том, что по образовательному уровню он был весьма низок.

Преимущественная часть руководителей, специалистов культурно-просветительных заведений имела лишь начальное образование, полученное на краткосрочных курсах, в ходе ликвидации безграмотности. Несмотря на это, во второй половине 1930-х гг. в республике появилась возможность открыть детскую музыкальную школу, государственный драматический театр, создать национальный ансамбль песни и пляски, национальный хор, оркестр национальных инструментов, организовать различные самодеятельные кружки (драматические, хоровые, народных инструментов и др.) [Максимов 2010: 44].

По утверждению профессора К. Н. Максимова, одну из важных социальных проблем Калмыкии в 20-30-е гг. XX века представляло здравоохранение. Автором приводятся следующие данные: «если накануне 1917 г. на территории Калмыцкой степи функционировало 7 маленьких участковых больниц, всего на 53 койко-места, то в 1940 г. в республике действовало 38 больничных учреждений на 530 койко-мест, 37 врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений, 120 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов, 9 различных диспансеров, 45 дошкольных учреждений на 1 634 места» [Максимов 2010: 45].

Цифры, приведенные автором, свидетельствуют о том, что в советский период успехи в развитии социальной сферы были значительными. Однако, по мнению К. Н. Максимова, «в республике учреждения здравоохранения, культуры, просвещения были еще далеки от полного удовлетворения их запросов и потребностей. Но если сравнить с тем, что имелось в Калмыцкой степи до Октябрьской революции, то к 1940 г. в социально-культурной сфере произошли существенные перемены, хотя по основным показателям, характеризующим развитие благосостояния народа, она значительно отставала от среднего уровня жизни населения СССР, России» [Максимов 2010: 45]. Так, число койко-мест в медицинских учреждениях на 10 тыс. человек населения в КАССР составляло только 22,5, а в среднем по СССР — 40,2, а в РСФСР — 43,3.

Работа автора «Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки» подкупает глубоким авторским анализом социально-экономических, политических проблем в целом страны и в частности Калмыкии.

К. Н. Максимов не боится делать выводы о том, что «под видом развития социалистической культуры, образования партийно-советские органы пытались окончательно уничтожить какие-либо признаки и очаги религиозности в республике, подорвать веками складывавшиеся нравственные и духовные устои, мораль народа. С июня 1938 по декабрь 1939 гг. Президиум Верховного Совета Калмыцкой АССР принял ряд решений об официальном закрытии в Калмыкии 24 хурулов, церквей, ранее прекративших деятельность под давлением партийных и комсомольских организаций. Только накануне войны, в 1940–1941 гг., Президиум Верховного Совета КАСССР «„по настоятельной просьбе, ходатайству сел и деревень“ ликвидировал последние церкви в шести селах и хурулы в трех сельских советах республики» [Максимов 2010: 50].

В данном исследовании делается вывод о том, что в условиях политических репрессий, гонений на инакомыслие, тотальной борьбы с религией в конечном итоге исчезли легальные формы религиозной деятельности всех конфессий, действовавшие на территории Калмыкии, и значительная часть населения стала записываться в «неверующие». И хотя партия большевиков принудила советский народ формально отречься от Бога, но в душе он оставался верующим, о чем свидетельствуют итоги переписи населения СССР в 1937 г.

В книге на большом документальном материале раскрывается огромная трагедия 1930-х гг., связанная с «большим террором» в СССР, который начался в Калмыкии в 1934 г. (а не с 1936 г., как обычно считается), — доказывает автор монографии, — и продолжался в течение пяти лет до 1938 г. включительно.

К. Н. Максимов обращает внимание читателей на то, что политические репрессии в республике «проводились продуманно, организовано, с помощью выстроенной и отлаженной системы специальных органов, с приданием правовой легитимности проводимой карательной политики. В результате массового террора страна в первой половине XX в. оказалась в постоянном напряжении, обстановке всеобщего страха, воцарились тотальная подозрительность, недоверие. В монографии показывается, что подверглись репрессиям «председатель правительства, второй секретарь обкома ВКП(б), два первых секретаря обкома ВЛКСМ,

наркомы, первые секретари улусных парткомов, председатели улусных исполкомов, рядовые колхозники, рабочие совхозов и предприятий. Больше всего <...> пострадали руководители колхозов, совхозов, МТС, крупных предприятий республики» [Максимов 2010: 63].

Нельзя не согласиться с выводом профессора К. Н. Максимова, который отмечает, что «без преувеличений можно сказать, что к этому времени в результате полной замены кадров, устанавливавших советскую власть и выступавших организаторами социалистической экономики, культуры, в Калмыкии, так же как и во всей стране, произошел „государственный переворот“» [Максимов 2010: 63].

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для всех народов Советского союза, но для Калмыкии и калмыков это война стала в несколько раз трагичнее, хотя население республики активно участвовало в созидательной работе в предвоенные и военные годы, выполняя и перевыполняя задания центральных органов власти.

Начавшаяся война потребовала срочного перевода всех предприятий, организаций, учреждений на военный лад. В книге исследуется организационно-политическая деятельность республиканской власти по мобилизации всех сил и средств для отпора врага. Так, Президиум Верховного Совета КАСССР 6 октября 1941 г. образовали при Элистинском городском Совете, при улусных, поселковых и сельских советах постоянные комиссии по обороне, а в Совнарком республики — Отдел мобилизации. С первых же дней нападения фашистов в Калмыкии, как и во всей стране, местные органы власти занялись организацией подготовки и проведения призыва военнообязанных на фронт. Мобилизация людских ресурсов проводилась с каждым месяцем нарастающими темпами. Эта динамика особенно была заметна в 1941 г. и в первой половине 1942 г. В книге приводятся конкретные статистические данные, которые показывают, что «если в течение первых двух месяцев войны на фронт были призваны более 3 тыс. человек, то в сентябре — более 2 тыс. Помимо того, 278 бойцов, в том числе 60 калмыков, были направлены 10 сентября в г. Ворошиловск для пополнения формируемой 70-й кавалерийской дивизии. К началу октября 1941 г. на фронт были призваны 5 259 уроженцев

(из них 635 добровольцев) Калмыкии, в том числе в качестве рядовых — 4 014 человек, младшего и среднего начальствующего состава 1 231, а также 14 сандружинниц» [Максимов 2010: 70]. В своей монографии автор подчеркивает, что только «в последние три месяца 1941 г. из Калмыкии были направлены в действующую армию 8 390 человек, 129 медицинских работников (47 врачей и 82 медсестры). Таким образом, к концу 1941 г. в боях против фашистов сражались 13 778 человек — уроженцев Калмыкии (почти 25 % лиц призывного возраста и военнообязанных 1896–1924 гг. рождения, или 42 % от состоявших на учете в военкоматах на 31 декабря 1941 г. Вместе с военнослужащими, призванными на действительную военную службу в 1938–1940 гг., на фронтах Великой Отечественной войны находились не менее 18 тыс. представителей Калмыкии. К июню 1941 г. срочную военную службу проходило немало юношей из Калмыкии — 4 432 человека, из них 2 167 калмыков (всего калмыков из всех краев и областей СССР служило 2 747 человек)» [Максимов 2010: 71].

В трудном 1942 г. республика до оккупации части ее территории, т. е. до начала августа, не только скомплектовала дивизию в составе 4 642 человек, но и мобилизовала в другие части воюющей армии 7 575 человек, в том числе 4400 военнообязанных и 3 175 призывников 1923 и 1924 гг. рождения, а также 247 девушек в санитарные службы Каспийской флотилии и 32 девушки в августе — на Сталинградский фронт. Таким образом, Калмыкия направила на фронт с начала войны и до начала августа 1942 г. 27 886 человек.

Профессор К. Н. Максимов не скрывает, что в это время 8 человек пытались уклониться от мобилизации и что среди призывников 21 человек предприняли попытку дезертирства. На 10 августа 1942 г., по подсчетам автора, мобилизационный ресурс республики составлял еще 11 504 человека (в том числе призывники 1925–1926 гг. рождения — 1 744 и 2 826 человек), из них 800 бронированных рыбаков, 6 934 военнообязанных (из них рядовые составили 6 330, начальствующий состав — 421, младший начальствующий состав — 183) [Максимов 2010: 95].

Однако, несмотря на большую и всестороннюю мобилизационную работу, отмечает профессор К. Н. Максимов, «подозревая,

что с врагом могут сотрудничать бывшие помещики, кулаки, представители иных социальных, ранее привилегированных групп, государственные архивы, находившиеся в ведении НКВД СССР, приступили к составлению списков-справочников на „бывших“, на „раскулаченных“ (а также на их детей и внуков), как на „потенциальных врагов народа, предателей“. Архивным отделом НКВД Калмыцкой АССР в 1941 г. были подготовлены два списка-справочника: на „бывших“ — 302 человека, на раскулаченных, находящихся в трудпоселках, — 432 крестьянские семьи. На 1 октября 1941 г. в Калмыцкой АССР на учете в „кулацкой ссылке“ состояли 1 005 человек (в стране около 1 млн), из них 258 мужчин и 353 женщины, 75 подростков от 14 до 16 лет, 319 детей до 14 лет» [Максимов 2010: 69].

В монографии на основе новых документов раскрывается деятельность органов власти в первые годы войны. К. Н. Максимов в своей работе показывает, что в начале 1942 г., «в зимний сложный период, значительное количество тружеников Калмыкии продолжали работать на строительстве железнодорожного полотна Астрахань — Кизляр, оборонительных рубежах на Дону, а с лета еще более 3 тыс. человек участвовали в возведении оборонно-укрепительных обводов Астрахани. В январе 1942 г., в связи с завершением работ на Донском оборонительном сооружении, Калмобком ВКП(б) дополнительно направил на объект Астрахань — Кизляр еще 3 300 человек и 880 подвод (всего там в числе 40 тыс. рабочих уже было 9,5 тыс. человек, а также 3 030 подвод от Калмыкии), 5 автомашин марки ЗИС-5 с прицепами, 9 тыс. руб. на приобретение художественной литературы, 4 кинопередвижки, продовольствие, инструменты и т. п.». Автор отмечает, что «благодаря общим усилиям строительство важного стратегического объекта было завершено досрочно. 4 августа 1942 г. открылось сквозное движение по линии Кизляр — Астрахань» [Максимов 2010: 96].

Жители КАССР, как и все советские люди, прилагали все силы, увеличивая поставки фронту. Только за первые 2,5 месяца Калмыкия направила в Фонд обороны: 9 050 лошадей, 1 364 повозки с упряжью, 2 415 седел, 20 легковых автомобилей, 143 грузовых, 40 тракторов, в том числе 2 гусеничных; население сдало 505 тыс. руб., 214 тыс. облигациями, 600 тыс. руб. на строительство подводной лодки. С пер-

вых дней войны жители республики, проявляя патриотизм, участвовали в сборе теплых вещей для фронтовиков, собирали средства в фонд обороны. За первые месяцы войны они собрали и отправили бойцам 4 159 пар валенок, 652 полушубка, 3 696 шапок-ушанок, 3 205 пар шерстяных варежек, 9 696 рубашек, 964 меховых жилета, 4 162 пары меховых рукавиц, свыше 5 тыс. пар шерстяных носков, 1 564 шт. кальсон, 1 442 пары шерстяных портянок, 4 073 пары летних портянок, 3 500 ватных фуфаяк, 7 789 ватных брюк, 1 023 свитера и джемпера, 1 002 шерстяных одеяла, 3 490 полотенец, 276 тулупов, 75 пар кожаных сапог, 92 шинели, 1 458 теплых шарфов, простыни, подушки, наволочки и другие вещи [Максимов 2010: 97].

В исследовании показаны проблемы и трудности эвакуации колхозов, совхозов, предприятий, учреждений. Профессор делает вывод о том, что основные причины неудовлетворительной организации эвакуации людей, скота, имущества хозяйств республики, в результате чего врагу досталось большое количество животных, продукции сельскохозяйственного производства, материально-технических средств, заключались во многих факторах, преимущественно субъективного характера. Главной из них, повлиявшей на проведение и итоги эвакуации, по мнению автора монографии, стала неподготовленность в психологическом отношении работников партийных и государственных органов Калмыцкой АССР к возможному вторжению противника в Калмыкию. Профессор отмечает, что «запоздалое решение республиканских партийных и государственных органов о начале эвакуации и неподготовленность к ней наркоматов, ведомств, райкомов партии, советов имели катастрофические последствия для хозяйств Западного и Яшалтинского улусов» [Максимов 2010: 111].

Большое мужество, научная честность и принципиальность потребовались от К. Н. Максимова, чтобы раскрыть особенности временной оккупации части территории Калмыцкой АССР. Автор исследует формы и методы деятельности оккупантов на территории Калмыкии. Германскими военными частями было захвачено 54 % территории, на которой проживало почти 60 % населения республики.

В книге рассказывается, что с первых дней оккупации фашистская пропагандист-

ская служба организовала массовую идеологическую обработку населения. На захваченной территории выпускались газеты на русском языке «Свободная земля» и на калмыцком языке «Теегин һэрд», выходили ежедневные радиопередачи на русском, калмыцком и немецком языках. В результате массовой пропаганды население оккупированных районов не знало действительного положения на фронтах и в стране в целом [Максимов 2010: 151].

В работе анализируются причины возникновения административного коллаборационизма. В своей книге ученый высказывает мысль о том, что коллаборационизм — это сложное явление, которое нельзя однозначно определять как осознанное предательство, как измену и приравнивать коллаборационизм к квислингу.

Читатель найдет рассуждения профессора К. Н. Максимова о том, что «нацисты принуждали под страхом смерти идти к ним на службу» и что в условиях оккупации сотрудничество отдельных наших граждан носило вынужденный характер на бытовом уровне и не причиняло вреда коренным интересам Родины. Однако переход отдельной части населения Калмыкии к административному сотрудничеству представлял собой одну из форм коллаборационизма. И в этом сотрудничестве не было однозначного предательства. Думается, что прав Константин Николаевич, который констатирует, что «среди старост и полицейских были антисоветски настроенные, и их намерения, действия являлись осознанными желаниями добросовестного служения врагу, и это «сотрудничество» было добровольным предательством, изменой родине. Но среди старост и полицейских были осознанно согласившиеся пойти на службу противнику, но с иными целями — патриотическими, бороться с врагом, облегчить участь односельчан» [Максимов 2010: 166].

На захваченных территориях Советского Союза нацистская Германия попирала элементарные общепризнанные нормы международного права. В книге описывается, как вели себя оккупанты на территории Калмыкии, какими идеями фашисты руководствовались. Приводятся страшные цифры о расстрелах мирных жителей. Только в Элисте за 4,5 месяца гестаповцы совместно с полицией расстреляли более 800 человек, в Яшалтинском улусе — 160, Западном — 79, Приютненском — 30 комсомольцев и

20 партийцев. «В Троицком улусе лишь за один день, 10 сентября 1942 г., с участием полицейских были расстреляны 27 человек. В Сарпинском улусе за небольшой срок оккупации подверглись избиению и пыткам 12 313 человек. В оккупированных улусах и Элисте нацисты с помощью полицейских расстреляли 85 коммунистов, в Яшалтинском улусе — 90 человек партийно-советского актива. Особое рвение, жестокость при расстрелах, экзекуциях даже мирных граждан проявляли полицейские Яшалтинского улуса под руководством начальника полиции А. Г. Миллера и Троицкого улуса под командованием коменданта лейтенанта Белька» [Максимов 2010: 203]. Предательство не оставалось, как подчеркивает автор, безнаказанным: партизаны с первых дней начали уничтожать коллаборационистов [Максимов 2010: 203–204].

Если власть может себя в чем-то упрекнуть, то она всегда будет искать виновных. Об этом свидетельствует сталинская политика в отношении калмыков. Выступая на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г., И. В. Сталин признавался, что «у нашего правительства было немало ошибок, были моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах» [Сталин 1949: 352], но он ни разу не назвал свои ошибки. Поэтому многие проблемы и трудности начала войны сталинское руководство страны решило переложить на плечи отдельных этносов, обвинив их в сотрудничестве с фашистами.

К. Н. Максимов в своем исследовании с болью в сердце рассказывает о той несправедливости, которую пришлось пережить калмыкам-фронтовикам и всему калмыцкому народу. В течение 2,5 лет (июнь 1941 — декабрь 1943 г.), по данным автора, в действующую армию из Калмыцкой АССР были призваны 38 778 человек. С учетом находившихся к началу 1941 г. на сверхсрочной и действительной службе (4 432) и призванных (38 778), на фронтах Великой Отечественной войны сражались 43 210 уроженцев Калмыкии, в том числе калмыков — 21 129, русских — 20 223, представителей других национальностей — 1 858 человек. За 2,5 года войны общие потери уроженцев Калмыкии составили 27 741 (64,2 %) человек [Максимов 2010: 345].

К началу 1943 г. в строю Красной Армии осталось 5 906 калмыков, из них офицеров — 365, политработников — 104, млад-

шего начальствующего состава (сержанты) — 656, рядовых — 4 781 человек. В том же году на фронт были призваны 5 509 калмыков. В 1943 г. на полях Великой Отечественной войны сражались 11 415 калмыков, из них погибли — 586 (20 %), умерли в госпиталях — 217 (4,8 %), попали в плен и пропали без вести — 425 (26,7 %). Общие потери составили 4 524 человека (39,6 %), в том числе безвозвратные — 1 228 (51,5 %), санитарные — 3 296 (48,5 %). Цифры свидетельствуют о том, что воины-калмыки смело участвовали в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны, отдавая свои жизни за всеобщую победу.

Однако стремление руководства страны переложить на плечи малых народов свои ошибки в ходе войны вылилось в трагедию для многих фронтовиков-калмыков и калмыцкого народа в целом. Уже с января и до конца 1944 г. с фронтов сняли 4 150 калмыков и отправили на спецпоселения к семьям: офицеров — 102 (в том числе раненых 45), раненых и больных сержантов — 107, раненых и больных рядовых — 498 человек. Воины, сражавшиеся на фронтах Великой Отечественной войны и отдававшие жизнь за Родину, снимались с боевых участков и направлялись в Широковский исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР «для трудового использования», а по существу это был концентрационный лагерь с колючей проволокой, внешней вооруженной охраной, с жестким режимом работы с 6 часов утра и до позднего вечера, с установленными нормами выработки, от которых зависело скудное питание. Фронтовики, воевавшие с фашистами, жили и работали в тех же условиях, что и военнопленные немцы, изменники родины (власовцы и т. п.), констатирует автор.

Прав профессор К. Н. Максимов, утверждая, что фронтовиков-калмыков, воевавших с первых дней войны на полях сражений, не только морально унизили, но и обрекли на физическое уничтожение, т. к. многие из них погибли из-за наитяжелейших условий работы на Широковской ГЭС и других строительных объектах, шахтах Широклага НКВД СССР.

В монографии подчеркивается, что среди заключенных Широклага были участники Сталинградских боев, обороны Ленинграда, Севастополя, Кавказа, Крыма и т. д. Многие заключенные имели боевые награды за проявленное мужество. Так,

466 сержантов и солдат были награждены орденами и медалями, в том числе орденами Ленина — 1, Красного Знамени — 3, Отечественной войны II и III степени — 8, Славы III степени — 17, Красной Звезды — 47; медалями: «За отвагу» — 141, «За боевые заслуги» — 93, «За оборону Сталинграда» — 105, «За оборону Ленинграда» — 34, «За оборону Кавказа» — 10 [Максимов 2010: 348–349].

Политическое решение об упразднении Калмыцкой АССР и о депортации ее коренного населения руководством советского государства явилось трагической страницей Великой Отечественной войны, и, как справедливо отмечает профессор К. Н. Максимов, «жестокий режим, административный надзор над спецпоселенцами лишили калмыков языкового общения, разрушали их национальную культуру, менталитет, религию, традиции, обычаи, хозяйственный образ жизни. Но калмыцкий народ, сохранив историческую память, которая была не подвластна никаким ухищрениям тогдашнего советского руководства, выстоял, не растворился, не исчез с этнической карты мира, остался единым этносом, сберегшим признаки национальной самоидентификации» [Максимов 2010: 382].

В исследовании значительное внимание уделено визуализации истории Великой Отечественной войны. Представленные карты дают возможность читателю наглядно представить контраст советских войск под Сталинградом, изучить героическую оборону города-героя, проследить оборону Кавказа. В книге опубликованы фотографии, которые дают возможность увидеть документальные образы политического руководства КАССР, Героев Советского Союза, генералов Красной Армии, фашистских офицеров, принимавших участие в оккупации Калмыкии, девушек-матросов и др.

Монография К. Н. Максимова — это глубокая, правдивая и очень трагичная работа, которая адресована широкому кругу читателей не только нашей страны, но и ближнего и дальнего зарубежья, где чтят и сохраняют память о Великой Отечественной войне.

Прав был Наполеон I, который утверждал, что «война состоит из непредусмотренных событий». И каждый, кто возьмет в руки этот труд, сам почувствует, как «непредусмотренные события» политического руководства страны в годы Великой Отечественной войны трагически отразились на древнейшем калмыцком этносе.

Ю. А. Стецура,

д-р ист. наук, проф. каф. истории России
Армавирской государственной педагогической академии,
акад. Международной академии духовного единства народов мира